

Алексей Миллер

Ответ Анджею Новаку, или Кое-что о «жертвах» и «насилъниках»

Мне весьма несимпатичны стиль и методы аргументации, к которым прибегает Анджей Новак в своей статье «Бедная империя...»¹. В обычных обстоятельствах я не стал бы ее комментировать. Однако обстоятельства не вполне обычны, и они *вынуждают* меня это сделать. Автор послал мне эту статью сразу после того, как она была написана, за несколько месяцев до публикации, относительно которой у него тогда еще не было, насколько я понял, конкретных планов. Новак заметил при этом, что толчком к ее написанию послужила моя статья «В плену истории. Польский дискурс о „восточной политике“», которая тоже была ему послана прежде, чем она вышла в издаваемом в Вене журнале «Транзит»². Я незамедлительно ответил Новаку, что считаю трактовку моих работ в его статье тенденциозной и указал на отдельные примеры «ошибок», «неточностей» и «двусмысленностей», которые мне хотелось считать «благонамеренными», иначе говоря, непредумышленными. Анджей Новак ответил, что собирается эту статью доработать. Тем не менее, статья «Бедная империя...» явилась в журнале «Европа» без каких-либо исправлений, а значит, все то, что мне хотелось считать благонамеренными ошибками, приобретает совсем иное качество. Для того чтобы определить это новое качество, мне понадобятся весьма сильные выражения, поэтому я сперва продемонстрирую на конкретных примерах, о чем идет речь, а уж потом перейду к дефинициям.

¹ Новак А. *Бедная империя, или Второй Рим – соблазны имперского дискурса в современной русской мысли* // Европа. - 2003. - Т. 3. - № 2 (7). С. 111-146.

² См. Transit. - 2003. - № 25. - С. 40-49.

Анджей Новак много чего написал о моих работах в «Бедной империи...», но ухитрился при этом практически обойтись без их цитирования, ограничиваясь вольным, порой весьма вольным, пересказом. Поскольку подавляющее большинство читателей «Бедной империи...» заведомо незнакомо с моими текстами, то в полемике мне придется не раз прибегнуть к неизбежному в таких случаях автоцитированию, за что заранее прошу читателя меня извинить³.

Итак, оставив пока в стороне обширное введение к статье Новака, перейдем к тому, как он определяет ее специфический предмет. Новак пишет, что его будут интересовать не работы политического характера, а тексты «историков, политологов, философов и социологов, которые поднимают „имперскую“ проблематику в работах, явно претендующих на научность» (С. 115). Уже здесь мы сталкиваемся с характерной для статьи отнюдь не бесхитростной неопределенностью выражений. Выделенные мною курсивом слова были бы вполне уместны, если бы Автор далее занимался в статье обсуждением того, какие из рассматриваемых им текстов имеют основания претендовать на научность, а какие нет. Но этого нет в статье Новака, а потому читателю предлагается принять на веру, что все рассматриваемые тексты лишь «претендуют на научность». Почему же так и не сказать, если Автор действительно так думает? Все было бы проще и честнее⁴.

Лучшим исходным пунктом для дальнейших рассуждений Автор считает мою статью о ментальных картах. Он спешит сообщить читателю, что «в этом тексте, так же, как и в других своих публикациях, Миллер прекрасно умеет использовать отдельные элементы возникающих на Западе концепций и даже „мод“ современных социальных наук» (С. 115). В этой «чрезвычайно изысканной формуле» (вернем Новаку его цитату) содержится не только обвинение в теоретической эклектичности и поверхностности («отдельные элементы

³ Все упоминаемые здесь мои тексты доступны в Интернете либо на сайте www.empires.ru, либо на сайтах тех журналов, где они опубликованы, и аккуратность цитирования можно при желании быстро проверить.

⁴ И такое утверждение было бы легко оспорить как в том смысле, что среди обсуждаемых Новаком текстов есть вполне научные (что не значит непременно во всем безошибочные и вполне лишённые тенденциозности), так и в том смысле, что подавляющее большинство не просто обсуждаемых, но цитируемых Новаком текстов не только не научные, но и не претендуют на то, чтобы таковыми считаться. О том, почему так происходит, еще пойдет речь.

концепций»), с которым невозможно спорить, если оно никак не аргументировано, но и обвинение в погоне за «модой». Между тем, исследования ментальных карт или воображаемой географии активно развиваются с 70-х годов прошлого века, а те работы М. Фуко, И. Валлерстайна, Б. Андерсона, на которые я опираюсь в упоминаемых Новаком текстах, были опубликованы двадцать и более лет назад. Я не думаю, что Варшава и Краков, где работает Новак, и впрямь такое жуткое интеллектуальное захолустье, в котором эти уже ставшие классикой гуманитарных наук работы непременно проходят по разряду новомодных. Да и сам Новак, как бы ни старался, не очень похож на «дикого» сарматского шляхтича, для которого «модным» (читай – вредным) было все то, что не было известно его деду. Чтобы убедиться, что Новака тоже не обошла та, – как он выражается, «интеллектуальная зараза» (С. 116), на которую он кидается в лихой кавалерийской атаке, достаточно взглянуть уже на заголовок его статьи, где гордо, без уничижительных кавычек, фигурирует проклинаемое им понятие «дискурс».

Завершается этот «кавалерийский» абзац о модных теориях «неожиданным» напоминанием о том, что «Миллер, между прочим, также историк концепции „триединого русского народа“» (С. 116). Эта якобы «между прочим» сказанная фраза отнюдь не случайна. Автор пытается создать у читателя впечатление, что раз я написал на материале XIX века книгу, где изучаю историю концепции триединой русской нации, то и сам являюсь ее апологетом⁵. (Иначе эта фраза просто не имеет смысла. Впрочем, ничего специально не нужно доказывать: Новак сам признает, что именно это и хотел сказать.) Между тем моя книга завершается следующими словами: «Рассказанная нами история проекта большой русской нации и его краха завершена, но отголоски тех идей и сюжетов в новых условиях, в новых формах хорошо различимы и сегодня»⁶. В России некоторые рецензенты этой книги (например, Михаил Дмитриев) нападали на нее как раз за то, что она говорит об общерусской нации как лишь о проекте, при этом потерпевшем крах⁷. Дмитриеву я, по крайней мере, не могу предъявить претензий в приписывании мне того, что я не говорил.

⁵ Миллер А. *«Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении*. – СПб., 2000. (Английский перевод – 2003 г.)

⁶ Там же. – С. 239.

⁷ См. Вопросы истории. – 2002. – № 8. Мой ответ Дмитриеву см. в № 12.

Далее Новак осуждает мою книгу за «методологическое развитие своеобразной антинациональной тенденции, которую в русских исследованиях империи можно проследить на сотнях примеров, – тенденции, критическое острие которой обращено зачастую против народов, ищущих свою отдельную идентичность на „окраинах“ рухнувшей Империи» (С. 117). Между тем, во введении к книге мои рассуждения об альтернативных сценариях развития процессов формирования наций у восточных славян, в частности, о вариантах, при которых отдельная украинская нация могла не сложиться в том виде, как мы ее сегодня знаем, снабжены следующим комментарием: «Я прекрасно понимаю, что современному украинцу невозможно представить такую перспективу без эмоционального протеста, ведь это означало бы, что те ценности, которым он привержен как украинец, просто не могли бы существовать. Будем, однако, помнить, что речь идет не о стремлении „отнять“ уже сформировавшуюся национальную идентичность и все связанные с нею ценности, но об анализе исторических альтернатив на той стадии развития, когда эта идентичность как массовое явление еще не существовала»⁸. Разумеется также, что, имея в виду возможную «подозрительность» некоторых читателей, я специально оговорился, что «подчеркивание альтернативности рассматриваемых процессов проистекает из стремления глубже понять логику происходившего, а вовсе не из того, что автору тот и иной нереализованный вариант нравится больше, чем исторически воплощенный»⁹. Так что не надо писать, будто я утверждаю, что украинской нации «не должно было быть», я лишь говорю, что ее «могло не быть»¹⁰. Любопытно, что никто из довольно многочисленных украинских (и украинского происхождения американских и канадских) рецензентов этой книги, в отличие от Новака, не заподозрил меня в «покушении» на украинскую нацию. Более того, стараниями львовских и харьковских коллег вся книга была переведена на украинский и издана в виде отдельных статей. Кстати, и президент Международной ассоциации украинистов Марк

⁸ «Украинский вопрос»... С. 46.

⁹ Там же. – С. 48-49.

¹⁰ В данном случае неточность выражения Автора была усугублена переводчиком – в оригинале „nie musiało być“, что не обязательно надо переводить как «не должно было быть», но можно сказать, что переводчик верно почувствовал интенцию Автора.

фон Хаген, – который, в отличие от меня, как считает Новак, «взвешенным образом» представил эту проблему, – почему-то не обнаружил в моей книге вредных политических тенденций, опубликовав на нее весьма положительную рецензию в хорошо знакомом Новаку журнале «Ab Imperio»¹¹.

Кстати, и в отношении якобы характерной для моих работ «антинациональной тенденции» ситуация очень похожа на взаимоисключающую критику Дмитриева и Новака. В попытке придать национализму «человеческое лицо» обвинил меня в свое время российский политолог Павел Кандель. Отвечая ему, я писал: «Кандель с иронией пишет о „национализме с человеческим лицом“, но у национализма действительно человеческое лицо, со всеми присущими этому лицу многообразными, порой и весьма отталкивающими чертами. Можно сказать и иначе – национализм был одной из наиболее мощных сил, сформировавших лицо современного человечества... Нам не дано угадать, лучше или хуже нынешнего выглядел бы мир без национализма – что заменило бы тогда (а свято место пусто не бывает) нацию как форму социальной организации, символ, ценность. П. Кандель убежден, что лучше – но это вопрос веры, ведь любая идея, будучи превратно или злонамеренно истолкованной, может порождать самые страшные последствия, будь то национальная, классовая, религиозная или какая-то еще». Вот такой у меня, как выражается Новак, «антинационализм», хотя мне, конечно, далеко до его убежденности в том, что национальное государство является «естественной» и единственно правильной формой политической организации¹².

¹¹ См.: Ab Imperio. 2001, № 4., а также рецензии Дж.-П. Химки (Kritika. 2002, № 1), С. Величенко (Slavic Review. 2001, No. 3), А. Реннера (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002, Nr. 1)

¹² См. Pro et Contra. – 1998. – Т. 3. – № 3. – С. 125-138. Цитата – С. 138. У меня нет под рукой книги Юрия Пивоварова, и я не могу проверить, что там действительно написано. Новак упоминает эту книгу в своей статье, говоря о том, что в ней В. Соловьев обвинен «даже» в том, что не любил родину. Но в контексте статьи Новака это замечание читается так, будто Пивоваров почти требует «ареста и расстрела» Соловьева, а вот на этот счет я уверенно могу сказать, что такого Пивоваров написать не мог. Впрочем, важнее другое. Можно ведь и спокойно отнестись к констатации того, что Соловьев или, например, Чаадаев, в определенном смысле «не любили Россию». (Вероятно, похожим образом Гомбрович «не любил» Польшу.) При трезвом взгляде это звучит как констатация, а не как обвинение. Нужно только оговориться, что «нелюбовь» такого рода (на которую всякий человек, по моему, имеет право) отделена дистанцией огромного размера от знаменитого печеринского «как сладостно отчизну ненавидеть».

В конце своей статьи Новак возвращается к моим работам. Он утверждает, что «ментальная карта самого Миллера – это карта Восточной Европы, в которой роль „Чужого“ играет Польша как авангард некоего западного проекта, сталкивающего Россию на обочину» (С. 139). Очень хотелось бы увидеть хоть какое-нибудь доказательство этого тезиса, тем более что сам Новак тут же цитирует (кажется, единственный раз во всей статье!) заключительные слова моей работы «Восточная Европа – вообразить заново», которые, кажется, ясно говорят о стремлении обойтись без «Чужих»: «Вместо реки с двумя берегами (Россия и Запад), на которой лодки стран Восточной Европы выбирают, к какому из этих берегов пристать, необходимо увидеть реку времени, по которой вся Восточная Европа, в том числе Россия, движется в одном направлении – на Запад»¹³. Вообще, вся эта статья – кстати, отнюдь не научная, а публицистическая – посвящена демонстрации того, что порочны те концепции, которые интерпретируют отношения Украины и Беларуси с Россией, с одной стороны, и с Западом, с другой, как игру с нулевой суммой¹⁴, которая неудачно названа в переводе статьи Новака «игрой с нулевым результатом». Неоднократно я писал и о том, что нормализацию отношений Польши с Украиной и стремление к примирению по поводу травм прошлого можно только приветствовать¹⁵. Кажется, сам Новак полагает, что доказательством его тезиса может служить упоминание моей статьи 1997 г., где «описывается программа позитивной российской политики на современной Украине – программа, которая должна обеспечить „русской партии“ абсолютное господство на Днестре» (С. 140). Новак «почему-то» не цитирует эту статью, а вместо этого цитирует якобы аналогичные высказывания политолога Сергея Маркова. Что же, в очередной раз процитирую себя сам, и пусть читатель решит, соответствует ли главный тезис той моей статьи интерпретации Новака насчет какого-то «абсолютного господства»: «Москве следовало бы прежде всего с максимальной последовательностью и демонстративностью

¹³ A. Miller, *Europa Wschodnia – potrzeba nowej wizji* // „Arcana”, nr 44: 2/2002, s. 81.

¹⁴ То есть чем лучше отношения с Россией, тем хуже с Западом, и наоборот.

¹⁵ «Польские интеллектуальные элиты смогли сформировать (что, несомненно, является их заслугой) дискурс примирения в отношениях с немцами и украинцами и не сделали этого в отношениях с русскими» – это цитата из моей последней статьи на данную тему.

зафиксировать уважение суверенитета и территориальной целостности Украины, подписав полномасштабный договор и разнообразные декларации. Иначе говоря, сделать все, чтобы расширить поле для маневра пророссийски ориентированным украинским политикам некоммунистического толка, которые готовы к сближению с Россией *не из желания восстановить СССР, а на основе независимости и суверенитета Украины...* Политика России в отношениях с Украиной должна способствовать не консолидации антироссийских сил, как это было до сих пор, а росту влияния пророссийски ориентированных некоммунистических политиков. По сути дела, речь идет о том, *способна ли российская внешняя политика в новых условиях переключиться с категорией господства на категории влияния и добиваться его с помощью более тонких и легитимных инструментов*¹⁶.

Приведя все эти примеры, я могу, наконец, «назвать по имени» то, что счел поначалу «благонамеренными ошибками». В этой статье Анджей Новак *сознательно* искажает и оглушает позицию некоторых своих оппонентов, *сознательно* дезинформирует читателя, *сознательно* манипулирует им и *сознательно* прибегает к инсинуациям¹⁷. В этом контексте частое использование Автором эпитета «выдающийся» для характеристики своих оппонентов¹⁸ выглядит даже не карикатурной учтивостью, а откровенным издевательством, потому что Новак не придерживается в отношении к ним тех элементарных норм ведения полемики, на которые вправе рассчитывать и самые «не выдающиеся» авторы. Все это тем более странно, что в своей предыдущей статье на эту тему Новак внятно излагал анализируемые работы (в том числе и те мои тексты, которыми он так безжалостно манипулирует в «Бедной империи»!) и придерживался общепринятых требований к полемическим сочинениям¹⁹. Я могу лишь догадываться о причинах этой

¹⁶ Миллер А. *Украина как национализирующееся государство* // Pro et Contra. – Т. 2. – 1997. – № 2. – С. 97-98. Курсив добавлен.

¹⁷ «Инсинуировать – делать порочащие кого-либо намеки», сообщает толковый словарь, и это как нельзя лучше подходит, например, к тем намекам о моей приверженности концепции общерусской нации, которые делает Новак.

¹⁸ И переводчик в данном случае ни при чем – в польском оригинале так везде и стоит «wybitny».

¹⁹ A. Nowak, *Ab Imperio – nowe spojrzenia na historię Rosji*, „Przegląd Wschodni”, t. VIII, z. 3(31), [Warszawa 2003], s. 605-630.

метаморфозы и позже выскажу некоторые предположения на этот счет.

Конечно, мне легче ловить Новака за руку там, где он говорит о моих работах, – я в них неплохо ориентируюсь. Но чтобы читатель не подумал, что я являюсь единственной жертвой совершенно поразительных манипуляций и искажений в статье Новака, приведу пример другой пострадавшей – Екатерины Деготь. В связи с ее статьей в «*Ab Imperio*» Новак пишет, что позиция, «представляемая московским историком искусства Екатериной Деготь, отводила России исключительно роль жертвы западного культурного колониализма, но при этом лишенной формально признаваемого статуса жертвы, которым обладают на Западе другие этнические группы» (С. 119). Новак противопоставляет эссе Деготь статью Маргарет Диковицкой, которая «обращает внимание на факт, что Россия очень даже может и должна быть объектом исследований „колониального дискурса“, но не как объект-жертва, а как субъект колонизаторской политики, которую российская империя вела на протяжении веков» (С. 120). А вот что действительно пишет Деготь в упомянутом Новаком эссе: «Россия совершенно игнорирует свою собственную политическую и культурную репрессивность в отношении других культур в ее собственных границах и вокруг них»²⁰. Единственное, в чем можно обвинить Деготь, так это в полемическом преувеличении («совершенно игнорирует») того тезиса, в отсутствии которого Новак ее обвиняет. И в конце статьи, формулируя главные задачи русского дискурса, Деготь снова включает в их список постулат «осознания собственной репрессивности»²¹. Невозможно допустить, что Новак «не

²⁰ E. Dyogot, *How to Qualify for Postcolonial Discourse // Ab Imperio*. – 2002. – № 2. – С. 549.

²¹ Там же. – С. 550. Я тоже высказывался недавно на эту тему в предисловии к русскому переводу книги Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу» (М., 2002): «Будем, однако, помнить, что везде в Восточной Европе, в том числе и в России, неизменно находилось более чем достаточно людей, готовых воспользоваться рецептами ориентализма в отношении своих соседей на востоке, как только обстоятельства позволяли это сделать. И не нужно поддаваться искушению думать, что это книга о пороках только западной мысли – она о свойственной всем играм с ментальными картами искушениях ранжировать, уничижительно обобщать, формировать негативный образ иного ради достижения собственных политических целей и удовлетворения собственного, очень часто сопровождаемого комплексом неполноценности, тщеславия».

заметил» этих фраз в кратком, всего лишь четырехстраничном тексте!

В моих работах Новака «особенно поражает острая критика созданного вокруг Ежи Ключовского люблинского центра истории региона старой Речи Посполитой как наиболее тенденциозного, мотивированного открыто политическими, а не исследовательскими намерениями» (С. 138). Автор пишет о «страстности, с которой он (Миллер) атакует данный проект» (С. 139). Здесь уже дело не только в очередном искажении того, что я действительно писал, но и в принципиальном различии наших подходов к истории. Я критиковал центр Ключовского по двум поводам. «В 1993 г. в Люблине была создана федерация Институтов Восточно-Центральной Европы, куда по уставу могли входить только научные учреждения стран региона, то есть Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Украины, Литвы и Беларуси, но не Германии и тем более не России». Это было написано в 1996 году²². (Кажется, с тех пор устав был изменен.) Речь здесь идет не о том, что сама идея исторических исследований так определенного региона дурна, но о том, что принцип членства в этой ассоциации был сформулирован так, будто это не научная, но политическая организация. Политическая организация вольна как угодно ограничивать свое членство. Никому не придет в голову всерьез критиковать Вышеградскую группу за то, что она отказалась включить Украину, когда та в нее просилась, – членство Украины не способствовало бы решению тех задач скорейшего вступления в ЕС и НАТО, которые ставила перед собой Вышеградская группа. Но международная научная ассоциация должна быть открыта для тех учреждений, которые занимаются ее проблематикой, вне зависимости от того, в какой стране они находятся²³.

Вторым поводом для критики стала двухтомная «История Центрально-Восточной Европы», подготовленная в люблинском центре. «Следует подчеркнуть, что целый ряд современных исследовательских направлений, явно доминирующих в Украине и Беларуси, по причинам как историческим, так и

²² *Центральная Европа как исторический регион*. – Москва, 1996.

²³ Если бы при этом тому или иному конкретному институту из России, Германии или другой страны было отказано в членстве из-за низкого качества его исследований или слишком очевидной политической тенденциозности, то обоснованность такого решения вполне можно было бы спокойно обсудить и в некоторых случаях принять.

актуальным, подчеркивает принадлежность этих стран Восточно-Центральной Европе, и именно в рамках этой перспективы строит новые концепции их истории»²⁴, – цитировал я *Введение* книги и продолжал: «так, с достойной восхищения откровенностью, обосновывает Ключовски включение этих стран в регион Восточно-Центральной Европы. Сам Ключовски убежден, что из его исторических концепций должны следовать политические выводы»²⁵. Период вхождения в состав Речи Посполитой описывается в книге как «определивший подлинное лицо» Литвы, Украины и Беларуси, а то, что происходило с этими странами после разделов Речи Посполитой, становится лишь искажением, разрушением этой сущности. И снова речь идет не о качестве этой книги как сочинения об истории (которое тоже оставляет желать лучшего), но о том, что история используется в этой книге как инструмент для обоснования текущей политики.

Моя позиция состоит в том, что разумная политика не нуждается в оправдательных ссылок на историю и что историей не надо заниматься с утилитарными политическими целями. В тех случаях, когда я считаю возможным высказаться по текущим политическим вопросам, я так и делаю в публицистических статьях, которые вовсе не претендуют на научность. Поэтому, когда я предлагаю в публицистической (не научной!) статье «вообразить заново Восточную Европу», я сразу подчеркиваю, что исхожу из своего понимания современной политической ситуации и не пытаюсь заниматься эссенциализацией именно так определенного региона, то есть выстраивать систему квазинаучных доказательств того, что Украина, Беларусь и Россия исторически едины и из этого должна вытекать современная политика. Для меня в данном случае важно, что сегодня они оказались вне европейских структур, и это их общая проблема, которую, по моему мнению, наиболее продуктивно решать сообща. (Я имею при этом в виду разработку такой политики ЕС, которая позволила бы восточным соседям сообщества не чувствовать себя отделенными новым, «шенгенским» занавесом.) На этот счет, конечно, могут быть и другие мнения, и весь смысл моей статьи в том и

²⁴ *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*. Т. 1. / Red. Kłoczowski J. Lublin, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. Курсив в цитате мой.

²⁵ См. выступление Ключовского в дискуссии о польской восточной политике 1 марта 2001 г. см. на сайте www.batory.org/forum.

состоит, чтобы показать, что эти иные позиции запускают ту самую «игру с нулевой суммой», при которой, в случае, если отношения Украины и «Запада» строятся на основе противостояния России как врагу и источнику угрозы, последняя будет стремиться помешать этому, исходя из собственных интересов, и наоборот. Все уже могли за последние годы убедиться, что в результате такой политики Украина становится именно объектом игры с нулевой суммой, в которой ни одна из конкурирующих сторон не может одержать победу. Нетрудно догадаться, что первой и главной жертвой такого дурного соперничества становится именно Украина. Мне такой подход (то есть совместное решение этих проблем) кажется, в отличие от Новака, реалистическим, а не прожектерским²⁶. Позиции, которые каждый из нас выражает, имеют сторонников и противников и в наших странах, и за границей. Можно об этом полемизировать. Но история здесь ни при чем, и не она определяет, какой из этих сценариев будет реализован. Поэтому, в частности, я с таким сарказмом неизменно писал о концепции Хантингтона, в отношении которого Новак замечает, что его взгляды были якобы «слишком быстро усвоены» (С. 113) в России. Кем именно усвоены? Вся ли концепция или ее фрагменты? А как измеряется это «слишком быстро»? Очередной пример манипулирования читателем с помощью заведомо неточных, якобы походя сделанных замечаний.

Новак, в отличие от меня, кажется, считает, что историки для того и пишут, чтобы с помощью своих концепций «обслужить» те или иные политические интересы. Так, прямо в первом абзаце своей статьи, говоря о публикуемых сегодня в России работах по истории Российской империи, он утверждает, что «центральное место в них занимает вопрос: может ли Империя возродиться? А зачастую в основании ответа на этот вопрос можно увидеть давно уже совершенный принципиальный выбор по поводу того, должна ли она возродиться». С упорством маньяка снова укажу на откровенную манипуляцию читателем – в статье никак не доказано, что мои, например, работы как-либо «озабочены» этим вопросом. Да и как доказать то, чего нет?

²⁶ Кстати, то обстоятельство, что статья эта была напечатана не только на русском, но и на немецком, английском, венгерском и польском, говорит о том, что высказанные в ней соображения вызвали довольно широкий интерес.

Поэтому Новак также полагает, что я нападаю на люблинский центр как таковой, в то время как в действительности я критикую те элементы деятельности центра, где исторические исследования смешиваются с политикой. (А в люблинский центр по возможности езжу на конференции, куда хорошо знающий мою критику профессор Ключовски меня до сих пор любезно приглашает, видимо, не считая, что я враг его детища.) Не только в цитированной Новаком книге «Центральная Европа как исторический регион», но и в более поздней статье под названием «Центральная Европа – инструмент для историка или политическая концепция?» я писал, что считаю концепцию исторического региона Центральной Европы очень полезной в качестве инструмента исторического анализа²⁷. Как историк я также ничего не имею против изучения «ягеллонской» Центрально-Восточной Европы – курс об истории именно так определенного региона в период с конца XVIII по середину XX века я разработал и читаю в Центрально-Европейском Университете вместе с моим польским коллегой Мацеєм Яновским и украинцем Ярославом Грицаком. В подготавливаемой сейчас серии книг об окраинах Российской империи я редактирую том, в котором в комплексе рассматривается история Западного края и Царства Польского. Для этой книги я заказал польскому, украинскому и литовскому историкам отдельные статьи о том, как историография в этих странах рассматривает историю этих земель в составе империи Романовых. Тех, кто, в духе рассуждений Новака в «Бедной империи...», предполагает, что

²⁷ *Central Europe as a tool for historians or a political concept?* European Review of History, Vol. 6, No. 1, 1999.

²⁸ Даже в отношении политического дискурса Центральной Европы я отнюдь не столь однозначен, как хочет показать Новак. Вот очередная автоцитата: «В 1989 г. программа центральноевропейского дискурса оказалась практически выполнена в своей вполне заслуживающей уважения „негативной“ части, то есть в стремлении освободиться от власти Москвы». (См. *Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России* // НЛЮ. – 2001. – 6 (52). – С. 75-96.) Новак, как можно заметить из его статьи, невысоко ценит норвежских политологов, особенно когда их оценки не совпадают с его собственными. Но я все же процитирую еще одного норвежца: заключая свой анализ дискурса о Центральной Европе в его «кундеровской» версии, Айвер Нойманн заметил: «Есть много резонансов, по которым Западу стоит поддержать формирование многопартийной системы и рыночной экономики в Чешской республике, Венгрии, Польше и т. д. Но идея, что они в каком-то смысле „более европейские“, чем их непосредственные соседи на востоке, к числу этих резонансов не принадлежит». (I.B. Neumann, *The Uses of the Other. „The East“ in European Identity Formation*. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press,

проект решает прежде всего некие пропагандистские задачи, может быть удивит, что в качестве автора от польской стороны я пригласил именно Анджея Новака²⁸.

Вот и редактируемый мною для историков, главным образом для университетских преподавателей, сайт www.empires.ru Новак явно путает с политическим журналом. Размещение на нем статьи венгерского социолога Й. Бёрёча, где речь идет о том, что полезно взглянуть на расширение ЕС сквозь призму истории европейских империй (что не значит, будто он приравнивает ЕС к известным континентальным империям!), осуществлена, по мнению Автора, именно «в контексте» борьбы с расширением ЕС (С. 136). В действительности, эта напечатанная в США и без того доступная в интернете статья помещена на сайт потому, что содержит весьма интересный обзор литературы по континентальным империям. Новак, конечно, волен мне не поверить, но пусть тогда объяснит, почему кроме этой статьи на английском (что заведомо снижает ее пропагандистский эффект на русском сайте) на www.empires.ru нет других публикаций на эту тему, хотя и на русском можно было бы найти более чем достаточно таких текстов²⁹.

1999. p. 160.) Следуя здравой логике этого замечания, можно продолжить: у Запада также много причин, чтобы поддержать формирование многопартийной системы и рыночной экономики в бывших советских республиках, но идея, что они более европейские, чем Россия, или что их нужно «спасать» от России, не относится к их числу. В этом случае становится ясно, что сегодня центр тяжести различных концепций Центральной и Восточно-Центральной Европы не в том, чтобы мотивировать поддержку и заинтересованность Запада – для этого можно использовать иные, более рациональные аргументы. Главная функция этих концепций состоит именно в исключении или в ранжировании тех, кому не повезло оказаться дальше к востоку. По поводу одного из таких квазиисторических текстов хорошо сказал Тимоти Гартон Эш: «В этом тексте история превращена в миф. Эта мифопоэтическая тенденция – стремление приписать прошлому Центральной Европы то, что, как надеется автор, будет свойственно Центральной Европе будущего, смешение того, что должно быть, с тем, что было, – довольно типична для нового центроевропеизма. Нас хотят убедить, что то, что было действительно центроевропейским, всегда было западным, рациональным, гуманистическим, демократическим, скептическим и толерантным. Остальное было восточноевропейским, русским, или, возможно, немецким». (Ash T. G. Does Central Europe Exist? // Ash T. G., *The Uses of Adversity. Essays on the Fate of Central Europe*. New York, Vintage Books, 1990. p. 184.)

²⁹ J. Böröcz, *Introduction: Empire and Coloniality in the 'Eastern Enlargement' of the European Union*, www.empires.ru.

Из того, сколько искажений и недобросовестных интерпретаций моих работ должен был использовать Новак при развитии своей аргументации, можно заключить, что они вовсе не являлись столь уж удобным исходным пунктом для его рассуждений. Ведь никто в здравом уме не стал бы спорить с его утверждением, что в России печатается много (в основном не только непрофессиональной, но просто глупой) апологетики империи, которая описывается чуть ли не как добровольный оборонный союз народов. Также не стану я бросаться защищать часто безответственную, часто напыщенную демагогию Панарина. Собственно, о качестве его трудов в России опубликовано немало вполне саркастических откликов. (И я внес в эту критику свою лепту на страницах журнала «Pro et Contra», на материалы которого столь избирательно любит ссылаться Новак³⁰.) Но тогда это была бы статья не о «претендующих на научность» работах, а очередной разбор не выдерживающих никакой серьезной профессиональной критики работ по истории, а также вполне ненаучных сочинений журналистов и публицистов типа Панарина или Дугина, который, если судить по частоте упоминаний в польской прессе, является самым влиятельным российским мыслителем последних десятилетий. И тут я хочу обратить внимание читателя на то, что абсолютное большинство цитат (не вольных пересказов!) в статье Новака якобы о «претендующих на научность» работах взято из Панарина, политолога-журналиста Маркова, хорошо известного склонностью к словесному хулиганству фельетониста Максима Соколова и т. д.

Есть целый ряд весьма серьезных вопросов – о кризисе идентичности в России, о разнообразном наследии империи, о действительно неблагоприятном, при всех несомненных достижениях последних лет, состоянии исторической науки. Но все эти вопросы *всерьез* Новаком не рассматриваются. Ведь нельзя же считать серьезной его трактовку действительно весьма интересной проблемы «ориентализма» в русской истории, когда он ставит читателя перед вполне ложной альтернативой: или Россия была объектом ориенталистских практик, или их субъектом. Конечно, так сконструированный выбор удобен для построения ключевой метафоры статьи Новака («бедная империя»), но лишает нас возможности

³⁰ См. Pro et Contra. – Т. 4. – 1999. – № 3. – С. 216-218.

всерьез задуматься о том, как действительно причудливо *сочетались* в истории России обе эти роли.

Я не могу уверенно объяснить, зачем Анджею Новаку понадобилось писать *такую* статью. Поделюсь, как обещал, некоторым предположением, на правильности которого никоим образом не настаиваю. Моя статья «В плену истории. Польский дискурс о „восточной политике“», которая, похоже, подтолкнула Новака к писанию, содержит целый ряд резких высказываний в адрес русофобских публикаций некоторых польских медиа. Может быть, Новака эта статья задела и ему захотелось ответить. Я был бы очень рад, если бы Новака моя статья действительно задела, и он решил ответить на нее по существу. Но, к сожалению, он выбрал способ полемики, основанный на принципе, который в России грубовато формулируется как «сам дурак».

Попробую объяснить, зачем я намеренно писал резкую статью, которая могла задеть эмоции польского читателя. Первой моей публикацией о взаимных стереотипах поляков и русских была статья об истории русской полонофобии³¹. Затем внимательное чтение развернувшейся в польской прессе в 2000-2001 гг. дискуссии о восточной политике вызвало у меня весьма сильные эмоции. Сначала я написал краткое письмо в «Тыгодник Повшехны», где выразил свое недоумение. Оно было напечатано, но не вызвало никакого отклика. Затем я написал более пространное письмо в «Газету Выборчу» с тем же призывом объясниться по поводу того, как некоторые польские медиа формируют, поддерживают и эксплуатируют негативное отношение своих читателей к России. И это письмо было напечатано. И снова ни один польский публицист не пожелал мне ответить. Впрочем, один польский автор все же отозвался на мои публикации. Бронислав Лаговски написал:

³¹ *Что нам Польша? // Знамя.* – 1997. – № 10. – С. 189-196. (См. также *Cóż nam po Polsce... „Więź”* 1996, nr 2. s. 24-29). Если учесть, что одна из первых моих работ о современных русско-украинских отношениях называлась «Образ Украины и украинцев в российской прессе после распада СССР» (Полис. – 1996. – № 2. – С. 130-136), то очередное обвинение Новака, что я не следую своему собственному призыву исследовать ментальные карты и стереотипы собственного общества, тоже оказывается голословным. Да и моя книга «Украинский вопрос...» есть не что иное, как анализ русских представлений об Украине в XIX в.

³² B. Łagowski, *Bez uprzedzeń // „Przegląd”,* maj 2002, nr 23. „Aleksy Miller łatwiej osiągnie zgodę w dyskusji z Amerykaninem niż z Polakiem podobnego fachu i statusu. Polacy słuchają chętnie tylko takich Rosjan jak Sergiusz

«Алексей Миллер легче договорится в дискуссии с американцем, чем с поляком сходной профессии и статуса. Поляки охотно слушают лишь таких русских, как Сергей Ковалев, воплощающий сегодня образ интеллигента XIX века, бескомпромиссного врага всякой реальной власти»³². Поняв, что диалога не будет и что Лаговски, как это ни печально, кажется, прав, я и выступил на проходившей в 2002 г. в Вене конференции «Польша в Европе» с намеренно резким текстом, позднее ставшим статьей «В плену истории», теперь уже для немецкоязычного читателя³³. В этой статье я утверждал, что польский дискурс о востоке Европы «в прагматическом отношении контрпродуктивен, а по своим интеллектуальным и моральным качествам оказывается ничем не лучше соответствующих дискурсов восточных соседей Польши». Добавлю, что и по ходу статьи я систематически подчеркивал элементы дурного сходства польских и русских «ментальных карт», а также оговорился, что речь идет только об определенной части польского общественного мнения, а не о внешней политике государства. Мой вывод состоял в том, что «польский дискурс о восточной политике – это не путь решения проблем Востока Европы и его отношений с ЕС, но часть самой проблемы».

Закончу тем, с чего начал. Я не стал бы вступать в полемику с Анджеем Новаком, если бы его статья не поразила меня методами, использованными для атаки на мою профессиональную

Kowaliow, wcielających dziś dziewiętnastowieczny wzór inteligenta, bezkompromisowego wroga wszelkiej realnej władzy”.

³³ Специально это подчеркиваю, потому что сознательно не стал публиковать эту статью в России из-за обилия приведенных там примеров русофобских высказываний польской прессы.

³⁴ В конце статьи Новак решил выписать себе индульгенцию, заметив, что «вместо проблемы „совращения Западом“ (а может быть лишь наряду с ней) в польской мысли должна была стать животрепещущей другая проблема – „изнасилования“ тремя соседними империями – с российской во главе. Поэтому, наверное, иногда с некоторой даже чрезмерной чувствительностью, мы следим за проявлениями имперской ментальности – в особенности у наших соседей». Честно говоря, мне трудно себе представить, что Анджей Новак просыпается по ночам в холодном поту от того, что ему приснилось «изнасилование» разделов Речи Посполитой, и боится его повторения. Замечу, что XX век дал всем, в том числе и полякам, богатый материал для кошмаров. Между тем разные народы, в том числе и поляки в отношениях с немцами и украинцами, продемонстрировали плодотворную волю к преодолению этого тяжелого наследия, к освобождению от «цепей истории». Этот образ «изнасилования», случившегося в конце XVIII в., которым Новак «объясняет» свою повышенную чувствительность в начале века XXI, на самом деле только призван воздействовать (и отнюдь не в конструктивном духе) на эмоции читателя.

репутацию. Мне с некоторых пор стало неинтересно коллекционировать тенденциозные тексты о России в польской прессе (моя коллекция и так весьма богата), равно как мне неинтересно в очередной раз вести споры о том, как история «оправдывает» взаимные фобии³⁴. Это вовсе не значит, что мне не о чем поговорить с поляком относительно политики. Напротив, я буду рад любому разговору с «положительной повесткой дня», со стремлением преодолеть взаимное отчуждение. Статья Новака ни в коей мере не может быть отнесена к такому жанру.